

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТОВОЙ СИМВОЛИКИ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА¹

Сборно-разборное жилище калмыков – «гер» - в традиционной культуре имело определенную цветовую символику. «Хар гер» - «черная кибитка, юрта» - жилище простолюдинов, «бор гер» - невзрачное, простое жилище бедняка (букв. «серое жилище»)². «Цаһан гер» - «белая юрта, кибитка» - как правило, жилище представителей высших слоев общества. «Цаһан хурла гер» - белая войлочная кибитка, являвшаяся кочевым храмом. «Внешний вид кибитки отражал имущественное состояние владельца. Кибитки, покрытые белой кошмой (цаһан гер – белый дом), как правило, принадлежали богатым, гелюнгам (священникам) и новобрачным. Огромное большинство населения имело черные кибитки (хар гер), так как их войлоки, закопченные, старые, часто подвергались латанию. По словам знающих пожилых людей, кошмы служили обыкновенно три года, по истечении этого срока их нужно было заменять новыми, а старые шли на ремонт или использовались на другие нужды»³. По сведениям Д.Б.Пюрвеева, деревянные части кибитки служили 10-15 лет, а войлочное покрытие обычно использовалось 3-4 года⁴. Континентальный климат определял необходимость многослойного покрытия жилища, что приводило к необходимости регулярного вложения достаточно больших финансовых средств, отсутствовавших у бедных слоев населения. Проблема замены дета-

¹ При поддержке РГНФ (проект №02-01-00381а).

² Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. С. 113.

³ Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 128.

⁴ Пюрвеев Д.Б. Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. С.13.

лей сборного жилища кочевников, в том числе войлочных покрытий, характерна для материальной культуры скотоводов. Все это обусловило долговременное использование кибитки, получившей название «хар гер». «Черным» считалось и жилище типа «жолм» или «деглэ»: в первом отсутствовали решетчатые стены, во втором – верхний круг. Таким образом, цветовое определение «белый – черный» в реальной жизни связано прежде всего со степенью зажиточности населения и способностью своевременной смены верхнего войлочного покрытия.

В материальной культуре монголоязычных народов - скотоводов кочевое жилище, помимо внешнего различия в цвете, имело разную площадь, размеры которой зависели от диаметра круга, составленного решетчатыми стенами. Подвижность конструкции деревянных решеток (калм. «терм») достигалась за счет использования специальных соединений с использованием тонких кожаных ремней. Жилище калмыков имело от шести до восьми складных решеток «терм». При этом диаметр кибитки с шестью «терм» составлял от четырех до пяти метров¹. Высота решетчатых стен в обычной кибитке достигала 1,6 метра, высота жилища в центре составляла 4-5 метров². Восьмирешетчатая юрта для калмыка представлялась большим жилищем. По свидетельству П.С.Палласа, в XVIII веке калмыки жили в кибитках с количеством решеток от семи и больше; «терм» изготавливали из 30 или более элементов, на приготовление которых шло ивовое дерево. В произведениях устного народного творчества обычно упоминаются «войлочное жилище с восемью терме», «кибитка с десятью терме» («нээмн термтэ, арвн термтэ ишкэ гер»).

Подобные размеры площади кочевого жилища характерны и для современной Монголии, большинство сельского населения которой проживает по-прежнему в юртах, в отличие от калмыков, давно перешедших к оседлому образу жизни. Так, в середине 1980-х годов около 80% всего сельского населения Монголии, в том числе не менее 90% аратов-животноводов, в качестве основного жилища использовали традиционную монгольскую юрту. В монгольской культуре решетчатые стены сборного кочевого дома именуются «хань». В конце XX века большин-

¹ Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1970. С. 128.

² Пюрвеев Д.Б. Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. С. 13.

ство аратов предпочитало юрты с 4-5-ханами, при этом 6-хан-ные юрты считались большими, 5-ханые - средними и 4-хан-ные - малыми¹. В памятниках устного народного творчества зафиксированы представления об идеальном жилище (как прави-ло, владыки идеальной страны), размеры которого также оп-ределяются количеством складных решеток для установки сте-ны юрты. В эпических песнях, где властитель страны Бумбы выступает в качестве символа центра Вселенной, а его трон, дво-рец, родовая гора – маркером этого центра, белая кибитка-дво-рец наделяется огромным количеством «терм» (множественность является как знаком величия, так и знаком прочности, изначаль-ности, упорядоченности и стабильности): «дөчн дөрвн термтэ, дөрвн минһн уньнта цаһан өргэ» - белая юрта-дворец с 44 терме и 4 тысячами унинов (жердей)². В версии сказителя М.Басанго-ва ханский дворец представляет собой белую юрту (кибитку), основанную на 84 решетках-стенах («терм») с опорами из льви-ных клыков и покрытиями из шкур оленей: сизых на южной и западной сторонах, пегих на северной и восточной³. Числовая символика в мифопоэтической традиции связана со значением упорядоченности, величия.

В литературе имеются свидетельства о бытовании столь больших по размеру ханских ставок-дворцов. Так, в ставке мон-гольских ханов в торжественных случаях устанавливался огром-ный золотой шатер, вмещавший несколько сот человек. Д.Б. Пюрвеев приводит воспоминание академика Б. Ринчена о боль-ших юртах, которые он видел лично, устанавливавшихся на 10-25 «терм», в том числе о ставке богдо-геген-хана, в которой по-мещалось около пятисот человек⁴.

В жизни калмыцкого общества кибитки дворцового типа были характерны для быта аристократических слоев. Так, име-ется описание кибитки хана Церен Дондука, в которой 10.09.1735 г. проводилась церемония вручения грамоты Далай-ламы на хан-ство в урочище Цаган Цолоо в 40 верстах от Царицына. Разме-

¹ Грайворонский В.В. Современное аратство Монголии. Социальные проблемы переходного периода 1980-1995. М.: Восточная литература, 1997. С. 111.

² Пюрвеев Г.Ц. Указ. Соч. С.118.

³ Джангар. Калмыцкий народный героический эпос. Эпический репертуар Мук-ебюна Басангова. Элиста, 1990. 14-17.

⁴ Пюрвеев Д.Б. Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. С.17.

ты дворцовой юрты хана впечатляющи – стены были основаны на двенадцати решетках, интерьер дома отличался украшением дорогой тканью – парчой, а также коврами¹. Ханская кибитка, по свидетельству В.М.Бакунина, именовалась «большим дворцом» («ик өргө»), в отличие от также крупных войлочных жилищ князей – нойонов («өргө»). И первая, и вторые пользовались у населения почетом – так, к жилищу князя или хана следовало идти пешком, оставив коня «сажен за тридцать»².

Из описания В.М.Бакунина неясно, какого цвета войлок покрывал большую дворцовую кибитку хана в XVIII веке. Если использовать бинарную оппозицию «белый – черный», которая, как отмечают исследователи, наиболее популярна для культуры монголоязычных народов³, то понятно, что «большой дворец хана» должен обладать эпитетом «белый».

Юрты различного цвета описаны еще в XIII веке путешественниками, побывавшими в монгольских кочевьях: «...покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал, а иногда даже берут они черный войлок»⁴.

Однако, помимо главной оппозиции, соответствовавшей основной социальной оппозиции «белая кость – черная кость», существовала и дополнительная цветовая символика, связанная с жилищем высших слоев общества. Так, в литературе упоминаются три юрты, установленные для трех наследников Джучи (из 19 сыновей) по приказу Чингисхана: белая юрта с золотой дверной рамой – для второго сына Джучи, Бату, которому отдали западные земли; синяя юрта с серебряной рамой – для первого сына, Орда-Эджену, получившего восточные земли; серая юрта со стальной рамой – для пятого сына Шейбани, получившего окраинные земли западнее улуса Бату⁵.

¹ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. С.139.

² Там же. С. 143.

³ Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988.

⁴ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Предисловие и комментарии Н.П.Шастинной. М.-Л., 1957. С. 69-71

⁵ Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI – XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С.120-123.

Особое сооружение зеленого цвета упоминается и ассессором В.М.Бакуниным, побывавшим через несколько лет после вручения Церен-Дондуку грамоты на ханство, присланной Далай-ламой, на церемонии провозглашения указом императрицы Елизаветы ханом Дондук-Даши. Местом празднества, на которое прибыли 10 тысяч человек, был избран Черный Яр, где позже новоиспеченный хан желал установить каменный столб с надписью на двух языках (калмыцком и русском) в память о знаменательном событии. Для церемонии Дондук-Даши прислал большую 10-решетчатую кибитку. Интерес представляет упоминаемая в архивном документе «зеленая ставка хана», которая началась вплотную от двери ханского дворца-кибитки: «губернатор, офицеры, хан, зайсанги вышли из кибитки и сели в зеленой ставке на стульях, и смотрели на борьбу до вечера...»¹. Из описания неясна конструкция «ставки», можно лишь предположить, что строение имело вид шатра или большой дворцовой юрты. Для нашей темы важно другое – указание, что «ставка» отличалась цветовым решением от других строений.

В традиционной культуре зеленый (ноһан), цвет растительности, сопоставим с синим (голубым): слово «көк» имеет следующие основные значения: 1. синий, голубой; зеленый; 2. серый, сивый; 3. зеленый, незрелый, недоспелый². Таким образом, в палитре цветов монгольской культуры зеленый и синий являются совместимыми.

Для выяснения символики зеленого цвета, характеризующего ханскую ставку, следует обратиться к цветовой геосимволике и символике синего и зеленого цвета в целом в монгольской и калмыцкой культуре.

Зеленый цвет в современной буддийской культуре Калмыкии ассоциируется прежде всего с покровительством божества Зеленая Тара (Ноһан Дэрк), божества милосердия и защитницы от несчастий. В системе мандала обычно зеленый цвет связывается с Буддой грядущего – Майтрейей (калм. Мээдрин гегэн), Буддой медитации – Амогхасиддхи, частью света – севером. Синий (голубой) в данной системе не заменяет зеленого цвета, он ассоциируется с дхьяни-буддой Акшобхьей, Буддой Канака-

¹ Национальный архив РК. Ф.36. Оп.1.Ед.хр. 307. Л. 544 об.

² Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. С. 312.

муни и востоком. Кроме того, в буддийской космологии синий цвет связывается с элементом «дерево». В системе цветовых знаков (монг., калм. «мэнгэ») существуют понятия «три синих» (значение – целомудрие тела, языка и души) и «четыре зеленых» (значение – исполнен мудрости)¹.

Обратимся к добуддийским представлениям о значении цвета. По мнению К.Вяткиной, главными цветами в культуре монгольских народов, как и у многих других, являлись красный, желтый, белый, черный, синий. В работе о символике цвета в древнейшей культуре К.Вяткина пришла к выводу, что основные цвета связаны с культом огня и солнца согласно следующей схеме²:

	Огонь	Солнце	Небо
	Красное	Красное	Синее (вечное небо)
	Желтое	Желтое	
	Белое	Белое	
		Светлое	
Антитеза	Черное	Темное	Черное (нижнее небо, мир подземный)

Как отмечает Н.Л.Жуковская в обобщающей работе по проблеме цвета в монгольской культуре, данные о геосимволике монголов противоречивы. Исследователи выяснили, что для тюркоязычных и монголоязычных народов Евразии было характерно следующее распределение стран света и цветов: восток – голубой, запад – белый, юг – красный, север – черный. Монголы называли себя синими и помещали себя на востоке, что противоречит этноцентристской позиции, характерной для большинства народов мира. Причину этого ученые видят либо в заимствовании монголами чужой (тюркской) геосимволики, либо в маркировании прародины монголов, находившейся в междуречье Онона и Керулена, которая находилась на восток от столицы империи, созданной Чингисханом. Однако если определение «запад – белый» вполне вписывается в понятие о рус-

¹ Скородумова Л. Буддийская космология // Буддизм. № 1. 1993. С. 39; Зурхай. Монгольская астрология (перевод Р.Е.Пубаева). Улан-Удэ, 1991. С. 26-27

² Вяткина К. Древнейшие цвета, как отражение культа огня и солнца // Рукописный отдел Музея истории религии и атеизма. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 34-37. (Приношу благодарность к.и.н. А.Г.Митирову за предоставленную возможность ознакомиться с копией данной работы)

ских царях как «белых царях» (Екатерину II монголы считали воплощением Белой Тары), то «черные (т.е. якобы северные) тибетцы и белые (или якобы живущие на западе) корейцы никак в эту схему не укладываются, кого бы мы ни помещали в центр – тюрков или монголов»¹. В связи с подобным несоответствием Н.Л. Жуковская вновь высказывает мысль о возможной взаимосвязи цветовой символики как этнического индикатора с преобладающим цветом национальной одежды, которая у монголов имела синий цвет. У китайцев, начиная с периода Мин, официальной стала красная одежда императора, у тибетцев в средние века преобладал в одежде черный цвет, а у тюркоязычного населения Туркестана – желтый или красно-желтый².

Необходимо отметить, что в торжественных церемониях (ритуалах) кибитки высших представителей могли быть расположены входом на восток или юго-восток. Так, во время праздника Үр Сар кибитки нойонов, в которых проводился главный обряд с использованием «зеленеющего дерева», поворачивали входом ближе к востоку. В описании торжеств, связанных с вручением Церен-Дондуку грамоты на ханство и даров от Далай-ламы, упоминается, что «напротиву той ханской кибитки на восток, то есть двери против дверей, саженьх в десяти стояла другая такая ж большая кибитка, или капище... При том капище было их – геленов, гецулей и манжи – около трехсот человек...»³. Храмовые кибитки располагались входом на восток, такая же ориентация характерна и для дворцового «гера» на церемонии 1735 года. Таким образом, для данного примера характерна сакрализация не полуденного солнца (т.е. ориентация не на юг), а восходящего (т.е. на восток; напомним, что с востоком в геосимволике связывается синий цвет и монгольская идентичность). Общеизвестно, что монголыязычные народы с раннего средневековья ставили юрты входом на юг, сакрализация этой стороны света прослеживается до настоящего времени. Так, движение на север в калмыцкой лексике осознается как движе-

¹ Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. М.: Восточная литература, 2002. С. 196

² Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. М.: Восточная литература, 2002. С. 197

³ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. С. 140

ние вверх. Возвращение, осмысляющееся в традиционной культуре как спуск (т.е. вариант движения вертикального), имеет значение и направления на восток: «дорагшан» – не только «вниз», но и «на восток», «дорагшалх» – спускаться; направляться на восток¹. В этих представлениях прослеживается взаимосвязь восточной стороны (при сакрализации юга) с левой, женской стороной, которая в традиционной культуре также связана с низом (мужской – западный – верх, женский – восточный – низ).

Если в церемонии вручения грамоты на ханство Церен-Дондуку после ее прочтения и передачи даров последовало поклонение хана в храмовой кибитке, в которую он торжественно прибыл между двумя рядами монахов, то после прочтения указа на ханство, подписанного Елизаветой Петровной, земные поклоны на восток совершили последовательно Дондук Даши, наместник Убаши, затем нойоны и зайсанги.

Таким образом, в традиционных представлениях калмыков восток имеет двойственную характеристику. С одной стороны, при сакрализации юга восток – сторона, связанная с левой половиной, низом, возвращением. С другой стороны, при сакрализации востока (именно такое положение кочевого жилища было характерно, по мнению ряда ученых, в древности для монголоязычных народов) эта сторона света связана с синим цветом (и зеленым, поскольку термин «көк» обозначает и этот цвет, кроме того, в число основных цветов и цветов геосимволики у монголов зеленый цвет не входит в качестве самостоятельного). Кроме того, из анализа ритуалов можно заключить, что цвет «көк» (синий/зеленый) связан с идеей социальной иерархии. Об этом свидетельствует особое расположение ханских (и княжеских) кибиток во время важнейших ритуалов.

Действительно, по мнению отдельных исследователей, синий цвет, как и другие, определен не геосимволикой, а социальной стратификацией. Если вспомнить распределение Чингисханом юрт между тремя наследниками, внуками по линии старшего сына, то старшему император определил синюю юрту, и улус его стал называться Синей Ордой. Это самостоятельное государственное образование, возникшее на территории улуса Джучи, занимало территорию юга современного Казахстана вдоль

¹ Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. С.207.

Сырдарьи и к востоку от нее¹. Таким образом, именно синий («көк» - синоним зеленому) связан в монгольской культуре с понятием высокого правления, с сословием ханов и нойонов.

В дополнение к проблеме цветовой символики, связанной с цветом ханской или нойонской ставки, отметим, что синий цвет – этнодифференцирующий для всех монголов; зеленый как цвет растительности связан с природой и «матерью – землей». С этими цветами оказывается взаимосвязанным и красный цвет, как цвет огня, цвет хозяина очага, божества Отхан.

Для выявления глубинной символики, связанной с идеей правления, предковости, необходимо обратиться к образу Белого старца, который в калмыцкой культуре рассматривается как прапредок и покровитель правления, хозяин времени и пространства, и именуется Жилин нойн, Жилин баав, Делкэн Цаһан авһ. Образ Белого старца в калмыцкой мифологической культуре стал амбивалентным, и кроме его облика хозяина времени и покровителя народа существует облик хозяина местности («Һазр-усна Цаһан авһ» - Белый дед земли-воды). Двойственное значение имеет с термин «Делкэ», обычно трактуемый как «пространство» (верующие даже называют данную иконографическую форму Белого старца «Космическим Цаһан авһ»). Однако термин «делкэ» прежде всего связан с землей, что вновь возвращает нас к образу божества Земли.

В качестве Хозяина времени Белый старец именуется калмыками «ик бурхн», несмотря на явное противоречие с иерархией буддийского пантеона. Термин «ик бурхн» (великий бурхан, великое божество) созвучен древнему наименованию месяца *buḡchan* (присутствовавшего в архаическом календаре и калмыков, и бурят), этимологию которого бурятские исследователи предлагают связывать также с идеей предковости и зооморфного символа: Н.Б. Дашиева возводит к корню «бар» бур», которые восходят к индоевропейскому значению «медведь» (*ber* (нем.), др.-англ. *beḡa*, англ. *bear*)².

В калмыковедческой литературе данные о раннем календаре

¹ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М., 1985. С.160.

² Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования) М.-Улан-Удэ, 2001 С. 144-145.

почти не встречаются. Так, работы П.С.Палласа, И.Георги, с которых обычно начинается любой историографический обзор, не содержат интересующей нас информации, П.С. Паллас упоминает лишь дни поста в лунных месяцах, маркируемые названиями животного цикла (кураца, дракон, овца), и три праздника¹. В работе В.М.Бакунина, датируемой веком ранее, сведения о календаре ограничиваются указанием на лунные месяцы и начало года с февраля². Но имеется малоизвестная уникальная работа, в которой зафиксировано более 700 калмыцких слов XVIII века, записанных Н.Витсенем, бургомистром Амстердама, руководителем Ост-индской компании и знатоком России, со слов калмыков-информаторов. В этой работе он привел названия месяцев, где месяцы *jeke burchan Sara* и *Baga burchan Sara* – июнь и июль, а месяц, в котором отмечается день «Жилин баав», «Жилин эзн» и, важно, «Жилин нойн» - декабрь – называется *Kocuc*, или *Kokocok Sara* (т.е. месяц кукушки)³.

Известное сходство с ранним бурятским календарем и тот факт, что Н.Витсен считал калмыками всех монголов⁴, от Поволжья до Центральной Азии, не должны являться причиной недоверия к лексическому материалу, записанному им, так как, во-первых, надежными были информаторы-калмыки, во-вторых, соответствие названий калмыцких месяцев григорианскому календарю иное, чем у бурят (что прослеживается и в более позднем календаре животного цикла).

Итак, для выявления глубинной символики образа старейшины, главы правления, предка (с зооморфными мотивами в

¹ Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. I. СПб., 1773. С.521-525.

² Бакунин В.М. Указ. Соч. С. 144.

³ Witsen N. Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschryving van verscheidene Tartersche en nabuurige gewesten, in de Noorder en Oostelykste deelen van Aziën en Europa. Amsterdam, M.Schalekamp, MDCCCLXXXV (1785).

⁴ Об этих особенностях взглядов Н.Витсена пишет Д.А.Балакаева в магистерской диссертации (Balakaeva d. De Bijdrace van Nicolaas Witsen aan de kennis over de Kalmukken (De Informatie over de Kalmukken op de «Nieuwe Lantkaarte» van Witsen en in het commentar egor in: Noord en Oost Tartarie» Amsterdam, 2000 - Балакаева Д.А. Вклад Николааса Витсена в познания о калмыках (Информация о калмыках на «Новой географической карте» Витсена и в комментарии к ней в его книге «Северная и Восточная Тартария» - 54 с. Магистерская диссертация. Амстердам, 2000). Д.А.Балакаева предоставила в научную библиотеку КИГИ РАН копию раздела о калмыках этого уникального издания, в связи с чем выражаю глубокую признательность.

древности) следует обратиться к образу кукушки, которая маркирует месяц, соответствующий декабрю в калмыцком раннем календаре. В отличие от калмыков, у бурят месяц кукушки – май. Действительно, обычно образ этой птицы связывается с наступлением весны, началом появления зелени, разливом воды. В сопоставительных сборниках приводится немало сюжетов, связанных с кукушкой. Так, в английском и североамериканском фольклоре встречается сюжет, в котором глупцы пытаются заточить кукушку, чтобы весна продолжалась целый год. Кукование этой птицы в славянском фольклоре связывается с негативной информацией¹, но в культуре других индоевропейских народов пение этой птицы рассматривается как добрый знак (французский фольклор), прекрасный голос кукушки известен по индийским сказкам. Образ кукушки характерен для буддийской дидактической литературы – так, известно произведение «Повесть о Лунной кукушке», посвященное тайной биографии буддийского учителя².

В культуре монголов кукушка прежде всего отличается цветом – недаром ее именуют «Хөхөө» («синяя»), калм. назв. «көкг» (т.е. также «синяя»). В «Повести о Лунной кукушке» постоянна формула «Лунная кукушка с голубой шеей». В монгольской легенде первого человека, создавшего морин хуур (и путешествовавшего с его помощью в пространстве), именуют за красивое пение Кукушка Намджил³. Кроме того, несмотря на то, что соседние с калмыками славянские народы имеют двойственное отношение к кукушке (превалирует отношение как к вестнику, чаще несущему негативную информацию), в ойратской культуре кукушка предстает как «птица, не имеющая греха»⁴.

Таким образом, соответствие месяца кукушки в калмыцкой культуре не маю (как у бурят), несмотря на ассоциацию ее с началом весеннего цветения и приливом воды, а декабрю – возможно, объясняется взаимосвязью термина «кукушка», восхо-

¹ Никитина А.В. Образ кукушки в славянском фольклоре. СПб., 2002

² На английском языке повесть известна в переводе учителя Геше Вангьяла: *The Prince Who Became a Cuckoo: A Tale of Liberation by The Lama Lo-dro of Drepung translated and edited by the Lama Geshe Waugyal. – The Bhaishajaguru Series. Theatre Arts books New York. 1982.*

³ Монгол домог. Улан-Баатар, 1990. С.4-6.

⁴ Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста, 2001. С. 205.

дящего к понятиям «синий/зеленый», а также к востоку в геосимволике монголов.

Можно предположить, что цветовая символика, связанная с правлением, предками, присуща именно жилищу (чаще ритуальному) аристократических слоев калмыцкого общества, его взаимосвязью с цветом «көк» и ориентацией на восток.

Как считают ученые, существует пять основных цветов: черный, красный, белый, синий (голубой, зеленый), желтый. Среди них отдельные исследователи выделяют три изначальных (красный, черный, белый), как универсальную цветовую триаду в примитивных обществах или «сокращенные или концентрированные обозначения больших областей психобиологического опыта, затрагивающих как разум, так и все органы чувств»¹. Однако Н.Л. Жуковская, приводящая данные о выделении триады основных цветов на материале культур других народов, обращает внимание, что именно бинарная оппозиция черный-белый связана с оппозицией плохое-хорошее, а красный цвет не образует оппозиции с другими цветами².

В цветовой символике калмыцкого жилища выделяется главная оппозиция «белый-черный», но присутствует и особое значение зеленого цвета, который сопоставим с синим, если речь идет об основных пяти цветах в культуре монголоязычных народов.

¹ Цит. по: Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. М.: Вост. лит-ра, 2002. С. 194

² Там же